

Фокус как фактор временной референции в испанском языке

Е. Н. Ивкина
(Россия)

Resumen

Este trabajo está centrado en el papel que desempeña el factor del foco de atención del hablante en el mecanismo de referencia temporal del español. El estatus discursivo que adquiere cierta situación en función de su focalización/desfocalización influye en la elección del modo de indicar el tiempo de dicha situación: el deíctico/el omnitemporal vs. el anafórico. Se analizan los casos del desplazamiento lineal del foco y las desviaciones de este procedimiento básico prestando especial atención a los casos de una variedad de la anáfora temporal que es la catáfora o anticipación.

В нашем исследовании временная референция понимается как выражение внешнего времени представленной в пропозиции ситуации, т.е. положения ее на оси времени относительно центра временной ориентации и/или относительно другого действия и безотносительно внутренней (аспектуальной) характеристики.

Ранее анализ в области временной референции опирался в основном на морфологические факторы, такие как выявление системы грамматического времени и установление значений тех или иных временных форм. В настоящее время многие лингвисты осознают зависимость морфологии и синтаксиса от механизмов концептуализации и категоризации: так, Т.М. Николаева, видит причину малой интерпретативной силы анализа грамматических форм в том, что «полная картина «модели мира», стоящей за системой грамматических категорий, менталитет грамматики, еще не раскрыта ни для одного языка; поэтому, строго говоря, мы часто не знаем, что стоит за выбором той или иной грамматической формы» (Николаева, 2000, с. 435).

Решить поставленные проблемы в сфере временной референции с нашей точки зрения возможно путем выявления глубинного механизма ее действия. Мы представляем глубинный механизм временной референции как ряд мыслительных операций, которые обеспечивают выбор признаков, адекватно (с точки зрения интенции говорящего) отражающих временную характеристику действия, и, в конечном счете, выбор подходящего языкового средства.

В наших ранних работах, посвященных временной референции (см., например, Ивкина, 2001), в качестве базового элемента ее механизма нами была выявлена иерархия семантических категорий, связанных с понятием внешнего времени: временной локализованности / нелокализованности, темпоральности и таксиса. На данном этапе мы оперировали аппаратом функциональной лингвистики. Однако, учитывая близость функционального и когнитивного подходов, была предпринята попытка представить указанную иерархию как когнитивную структуру, которую можно описать в виде системы концептов, организованной вокруг центрального концепта «сейчас» (Ивкина, 2009). Данная система лежит в основе категоризации, к которой говорящий прибегает всякий раз, когда осуществляет временную референцию. Выявились и основные способы указания, соотносимые с упомянутыми выше семантическими категориями: дейктическое указание (категория темпоральности), производное от него

анафорическое указание (категория таксиса) и общевременное указание (признак временной нелокализованности). Следует пояснить, что категория временной локализованности / нелокализованности (Л / НЛ), отражает оппозицию «общая референция/ конкретная референция» или «недейкτικότητα/ дейкτικότητα» (о недейктивности референции панхронных ситуаций см. (Падучева, 1996, с. 245).

Итак, временная референция может быть общей (недейктивное указание) и конкретной (дейктивное указание), при этом в обоих случаях имеется возможность использования, в качестве дополнительного, анафорического указания.

Чем обусловлен выбор/ невыбор «анафорической опции»? Одну и ту же ситуацию можно представить саму по себе, без соотнесения с другими событиями на линии времени (и тогда выбирается общевременное или дейктивное указание), или соотнести ее с каким-то другим моментом на временной оси (в этом случае говорящий прибегает к анафорическому указанию). При анафорическом указании одно и то же действие может предшествовать, следовать или быть одновременным различным связанным с ним событиям. Как выбирается промежуточная точка отсчета? На наш взгляд, объяснение необходимо искать, во-первых, в «распределении ролей» между событиями, составляющими предмет повествования, в установлении их дискурсивного статуса: какие из них являются фокусом повествования, продвигают его вперед, а какие оказываются фоновыми.

Нетождественность и, одновременно, неразрывность референции и концептуализации в широком смысле проявляются в понятии конструирования: реферируя к объекту с помощью языкового средства, мы неизбежно выбираем способ указания и, следовательно, способ построения образа объекта, включая распределение его признаков по выделенности (Ирисханова, 2014, с. 188).

Представляется, что такое распределение зависит не только от воли говорящего, но и от традиций, сложившихся в том или ином варианте дискурса (особенно в нарративе). Ср. выделение Н.Б. Телиным событий переднего плана (означающих изменение состояния), событий актуального фона (длящихся процессов, лишь соотнесенных с изменением состояния и рассматриваемых не в целостности, а в одной из их частей) и событий неактуального фона (не подразумевающих соотнесенности с изменением состояния, например, хабитуальных и внеременных) (Телин, 1998). Интерпретация хода событий осуществляется с помощью накопленных и скоординированных знаний, базирующихся на прошлом опыте (в широком смысле) и оценке существующей ситуации (Там же).

Рассмотрим пример, в котором интенциональность говорящего направлена на пересказ определенного эпизода. Говорящий определяет тот момент во временном континууме, с которого начнется повествование (*abrió*). Эта начальная точка есть установление фокуса, на котором и он сам сосредотачивает свое внимание, и «предлагает» сделать это адресату. Фокус затем передвигается по цепочке, которую составляет последовательность основных действий (ситуаций).

*Abrió el paraguas por fin y se quedó un momento suspenso y pensando (...).
«Esperaré a que pase un perro – se dijo – y tomaré la dirección inicial que él tome.»*

En esto pasó por la calle no un perro, sino una garrida moza, y tras de sus ojos se fue como imantado y sin darse de ello cuenta, Augusto

(Unamuno, 1984).

В данном эпизоде развитие событий представлено последовательностью предикатов в форме аориста - Pretérito Indefinido (*abrió, se quedó, se dijo, pasó, se fue*), и хронология их отражается линейностью изложения. Временная референция каждого из указанных действий осуществляется посредством дейктического указания. Ср.: «главное свойство дейксиса – и не только темпорального – акцентировать внимание на присутствующем в данное время и в данном месте объекте, выделить его из фона» (Рябцева, 1997, с. 93).

Известно, что чем теснее содержание сообщения связано с фактами реальной жизни, тем меньше оно нуждается в специальном подчеркивании или даже просто в выражении их взаимосвязи. В данном случае фактора линейности достаточно для отражения естественного хода восприятия и переживания ряда событий, который предусматривает непрерывное смещение фокуса внимания:

« (...) ко всякому «теперь» примыкает, в необходимой непрерывности континуума, все новое и новое «теперь», (...) одновременно с этим любое актуальное «теперь» сдвигается в некоторое «вот только что», а «вот только что» вновь – и в непрерывном континууме – во все новые и новые «вот только что» того, что было «вот только что» и т.д. И так со всяким новопримкнувшим «теперь»

(Гуссерль, 1999, с. 179-180).

Однако далеко не всегда именно момент установления фокуса становится первым в изложении. Повествование может начинаться с описания фоновых, сопутствующих действий или состояний, т.е. форма, употребленная анафорически, может предшествовать форме, представляющей собой точку отсчета, и в этом случае мы имеем дело с разновидностью анафоры – антиципацией или катафорическим указанием, «при котором элемент с отсылающим значением является линейно предшествующим» (Языкознание БЭС, 1998, с. 32).

Так, катафорой начинается одна из глав романа А. Переса Реверте «*La piel del tambor*»:

Los focos que iluminaban la catedral creaban un espacio irreal entre noche y luz. (...) Aquél era un decorado único, irrepitable. Un escenario perfecto. Sobre todo cuando Macarena Bruner anduvo por él unos pasos para detenerse bajo la enorme farola central de la plaza, y se quedó allí, inmóvil contra la claridad dorada de la piedra y los proyectores de luz

(Pérez-Reverte, 1998, p. 331).

Несмотря на свое начальное положение, формы *iluminaban, creaban, era* не становятся фокусными элементами, уступая это право формам *anduvo* и *se quedó*, которые появляются позднее. О.К. Ирисханова полагает, что при катафоре происходит дефокусирование элемента, линейно являющегося первым, и создается эффект предварения за счет того, что реципиент ожидает появления

полноценной референтной сущности. Таким образом, «происходит эффект отсроченного фокуса, на котором и строится катафора» (Ирисханова, 2014, с.190).

Другой случай катафоры в начале повествования - «интродуктивный» плюсквамперфект (см., например, (Плунгян, 2004, с. 407)) - он дает информацию о событиях, предшествующих эпизоду, который находится в фокусе внимания. Рассмотрим, например, начало четвертой главы в романе Г. Торренте Бальестера «Crónica del rey pasmado»:

Marfisa había escuchado adormilada, aunque complacida, los cantos de la hora tercia. Se arrodillaba, se levantaba, se sentaba mecánicamente, obediente a los martillazos que la madre abadesa daba en la madera de su sitial para indicar la postura que pedía la oración: miraba lo que hacían las otras monjas, y las seguía. Cuando terminó el rezo, formó en una de las filas, y al cabo de un rato de recorrer los claustros, se halló en ellos sola. Entonces buscó su celda. Al abrirla, vio a un caballero vestido de negro que inmediatamente se levantó

(Torrente Ballester, 1990, p. 173).

Начальная позиция плюсквамперфекта *había escuchado* сигнализирует об отсроченном фокусе, однако ожидание реципиента затягивается за счет появления имперфектных форм *se arrodillaba*, *se levantaba*, *se sentaba*, *daba*, *pedía*, *miraba*, *hacían*, *seguía*, которые помимо значения итеративности передают таксисное значение одновременности действию *había escuchado*. И только с появлением формы аориста *terminó* происходит установление фокуса повествования. Далее перемещение фокуса происходит в соответствии с реальной хронологией событий: аористные формы *formó*, *se halló*, *buscó*, *vio*, *se levantó* дают представление о действиях, являющихся основными вехами повествования.

Посредством катафоры также может быть совершен короткий «экскурс в будущее», описывающий события, которые произойдут позднее (иногда значительно позднее) тех, которые составляют данный конкретный эпизод. Вспомним, как начинается роман Г. Гарсиа Маркеса «Cien años de soledad»:

Muchos años después, frente al pelotón de fusilamiento, el coronel Aureliano Buendía había de recordar aquella tarde remota en que su padre lo llevó a conocer el hielo.

Macondo era entonces una aldea de veinte casas de barro y cañabrava construidas a la orilla de un río de aguas diáfanas que se precipitaban por un lecho de piedras pulidas, blancas y enormes como huevos prehistóricos

(García Márquez, 1980, p. 33).

Очевидно, что лексическое и грамматическое средства временной референции *muchos años después* и *había de recordar*, находящиеся в абсолютном начале сюжета, не имеют опоры в виде центра ориентации, пока не появляются лексический индикатор *aquella tarde remota* и форма аориста *llevó*. Установив данными элементами фокус повествования, автор не сразу продвигает его вперед, предпочитая остановиться на описании фона при помощи форм со значением одновременности *era*, *entonces*, *se precipitaban*.

Итак, все эти три способа приступить к повествованию не с начальной точки установления фокуса представляют собой катафору (разновидность анафоры), при которой промежуточный момент ориентации линейно следует за моментом, сориентированным на него. Связность текста обеспечивается фактором линейности в цепочке основных действий, по которой передвигается

фокус внимания, и анафорическими указаниями на действия, обращение внимания к которым нарушает линейность изложения. При этом время действий, на которых фокусируется внимание автора (говорящего) и которые составляют основную «линию» повествования, всегда указывается дейктически.

Так, в следующем примере автор оставляет фокус повествования в момент, когда персонаж, осмаривая Макондо после проливных дождей, изумляется стойкости, с какой арабы-торговцы пережили стихийное бедствие, и обращается к предшествующим событиям (все они, вне зависимости от удаленности от фокуса повествования, обозначены плюсквамперфектом), а затем вновь подхватывает нить повествования, возвращаясь к прежнему фокусу (действия *fue*, *volvió*, *encontró*):

Petra Cotes era tal vez el único nativo que tenía el corazón de árabe. Había visto los últimos destrozos de sus establos y caballerizas arrastrados por la tormenta, pero había logrado mantener la casa en pie. En el último año, le había mandado recados apremiantes a Aureliano Segundo, y éste le había contestado que ignoraba cuándo volvería a su casa, pero que en todo caso llevaría un cajón de monedas de oro para empedrar el dormitorio. Entonces ella había escarbado en su corazón, buscando la fuerza que le permitiera sobrevivir a la desgracia, y había encontrado una rabia reflexiva y justa, con la cual había jurado restaurar la fortuna despilfarrada por el amante y acabada de exterminar por el diluvio. Fue una decisión tan inquebrantable, que Aureliano Segundo volvió a su casa ocho meses después de su último recado, y la encontró verde, desgreñada, con los párpados hundidos y la piel escarchada por la sarna, pero estaba escribiendo números en pedacitos de papel, para hacer una rifa

(García Márquez, 1980, p. 320).

Формы имперфекта *era* и *estaba escribiendo* указывают на одновременность фокусу повествования, при этом имперфект *ignoraba* в «ретроспективном» фрагменте передает одновременность действию *había contestado*, относительно которого представлены как последующие действия *volvería* и *llevaría*.

Приведенные примеры показывают, что дискурсивный статус события (действия), влияющий на выбор средства временной референции, определяется соотношением фабулы и сюжета. О.К. Ирисханова определяет фабулу как «объективно» выстроенную в хронологической последовательности причинно-следственную связь между событиями, а сюжет как конструирование событийной перераспределением внимания, что приводит к сдвигам нарративного фокуса (как разновидности коммуникативно-прагматического фокуса) в макроструктуре художественного произведения (Ирисханова, 2014, с. 282).

Особого внимания заслуживает проблема выбора способа указания в развернутых панхронных ситуациях. Как уже отмечалось нами, для временной референции действий или событий, обладающих признаком временной нелокализованности, используется недейктическое (общевременное) указание. В приведенном ниже примере общей референцией представлены постоянные признаки *sea*, *tranquiliza*, *es* с использованием традиционных в подобных случаях форм презенса (Presente de Subjuntivo и Presente de Indicativo):

Por muy desalmado que uno sea - Celestino Peregil lo era, y mucho -, a nadie tranquiliza ver una foto de la mujer de su jefe con otro. Sobre todo cuando es uno mismo quien ha vendido a los periodistas la información necesaria para hacer la foto

При этом время действия *ha vendido* передано посредством общевременного анафорического указания: форма перфекта передает предшествование данного действия нелокализованной во времени ситуации *a nadie tranquiliza ver (...)*, то есть указывает на отклонение от фокуса, которое временно нарушает повествовательный континуум. В данном контексте действие *ha vendido* воспринимается, разумеется, как общевременное, поскольку является частью описываемой панхронной ситуации. Следует отметить, насколько контрастно выглядит на фоне «вневременной» ситуации вставка *Celestino Peregil lo era, y tucho*, где речь идет о конкретном субъекте, потому и временной признак *era* передан конкретной референцией.

Представленный материал иллюстрирует роль фактора нарративного фокуса в выборе способа указания – дейктического/общевременного или анафорического. Однако это не единственный прагматический фактор временной референции: существенную роль играет также актуализация категории эвиденциальности, которая влияет на выбор референциального средства. Рамки данной работы не предусматривают полный охват всех факторов временной референции, влияющих на выбор говорящим способа указания, который, разумеется, также является и семантически, и синтаксически обусловленным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. GARCÍA MÁRQUEZ, G., 1980: *Cien años de soledad*, Moscú, Editorial Progreso.
2. PÉREZ REVERTE, A., 1998: *La piel del tambor*, Madrid, Alfaguara.
3. TORRENTE BALLESTER, G., 1990: *Crónica del rey pasmado*, Barcelona, Círculo de Lectores.
4. UNAMUNO, M. de, 1984: *Niebla*, Madrid, SARPE.
5. ГУССЕРЛЬ, Э., 1999: *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии* (Т. 1), М., Дом интеллектуальной книги.
6. ИВКИНА, Е.Н., 2001: *Глубинный механизм референции внешнего времени финитными формами глагола в сложноподчиненных предложениях в испанском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05/-* Иркутск, Иркут. гос. лингв. ун-т.
7. ИВКИНА, Е.Н., 2009: «Типологический аспект временной референции (на материале русского и испанского языков)». *Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та*, № 2 (6), сс. 21-28.
8. ИРИСХАНОВА, О.К., 2014: *Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*, М., Языки славянской культуры.
9. НИКОЛАЕВА, Т.М., 2000: *От звука к тексту*, М., Языки русской культуры.
10. ПАДУЧЕВА, Е.В., 1996: *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*, М., Школа «Языки русской культуры».
11. ПЛУНГЯН, В.А., 2004: «К дискурсивному описанию аспектуальных показателей». *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского*. М., Знак, сс. 390-411.
12. РЯБЦЕВА, Н.К., 1997: «Аксиологические модели времени». *Логический анализ языка. Язык и время*. М., Издательство «Индрик», сс. 78-95.

13. ТЕЛИН, Н.Б., 1998: «Познание, перспектива и метафора времени». *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М., Школа «Языки русской культуры».
14. ЯЗЫКОЗНАНИЕ БЭС, 1998: *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*, М.: Большая Российская энциклопедия.